

курса мнения истина и ложь принимают вид точек зрения, «существующих в безразличии», имеющих право на существование в ряду других мнений. Аксиологическим ядром доминирующего в постсекулярную эпоху дискурса становится толерантность, а любая позиция, претендующая на статус выше мнения, маргинализируется.

Литература

1. Лукашенко, А. Г. Выступление на XIII саммите Организации исламского сотрудничества (14апреля 2016 года) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-xiii-sammite-organizatsii-slamskogo-sotrudnichestva-13477/
2. Маркузе, Г. Разум и революция / Г. Маркузе. - СПб: Владимир Даль, 2000. - 541 с.
3. Роуз, С. Недочеловечество / С. Роуз / Антимодернизм.ги [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://antimodern.ru/subhumanity/>
4. Хабермас, Ю. Дialeктика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. - М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, - 2006. - 112 с.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЬБАХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ ДИНАСТИИ ФИЛОСОФОВ И КУЛЬТУРОЛОГОВ ЛОССКИХ)

Г. Ч. Лянькевич

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: liankevichgrigory@yandex.by

В данной статье автор рассматривает отражение ключевых событий русской истории первой половины XX в. (Первой мировой войны и трех революций) в судьбах интеллигенции. В центре внимания автора — семья философа Н. О. Лосского. Также особое внимание уделяется роли интеллигенции в означенных исторических событиях, сравниваются теоретические позиции «евразийцев» с научной концепцией Н. О. Лосского.

Ключевые слова: евразийство, славянофильство, интеллигенция, патриотизм, национальное самосознание, революция, Первая мировая война.

WAR AND REVOLUTION IN THE FATES OF THE INTELLECTUALS OF RUSSIA AND BELARUS (ON THE EXAMPLE OF THE DYNASTY OF PHILOSOPHERS AND CULTUROLOGISTS LOSSKY)

G. Ch. Liankevich

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,
Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: liankevichgrigory@yandex.by

In this article the author examines the reflexion of the key events of Russian history of the first half of the XXth century (World War I and three revolutions) in intelligentsia fates. The focus of the author is the family of the philosopher N. O. Lossky. Also, special attention is paid to the role of intellectuals in the aforesaid historical events, the author compares the theoretical position of «Eurasians» with the scientific concept of N. O. Lossky.

Key words: eurasism, Slavophilism, intelligentsia, patriotism, national identity, revolution, World War I.

Известный участник революции 1905 г., получивший в ней ранение, учёный-историк Е. В. Тарле (коллега, единомышленник и сосед Н.О. Лосского в Петербурге, сыгравший важную роль в судьбе философа) был и наиболее квалифицированным, признанным в научных кругах России специалистом по французским революциям. Вместе с тем этому ученому и преподавателю столичного университета принадлежала не только слава лучшего знатока биографии Наполеона и истории франко-русских политических отношений, но и рано приобретенная репутация «одного из наиболее радикальных представителей научной интеллигенции» России, а также имидж публициста и лектора с очень яркими и в то же время глубокими научными суждениями [1, с. 118].

Приведем одно из них, имеющее прямое отношение к теме статьи. Без франко-русской войны, «без двенадцатого года, утверждал Е. В. Тарле, не было бы Пушкина», не было бы и декабристов, а вся национальная культура России и самосознание русского народа не получили бы такого могучего толчка. Конечно же, в подобных суждениях ученый не был одинок. Вспомним хотя бы оценки Н. Г. Чернышевского о «пробуждении русской нации... опасностями 1812 года», суждения Л. Н. Толстого в романе «Война

и мир» и более поздние размышления Н. О. Лосского о творчестве Толстого и Достоевского [1, с. 118; 2, т.1, с. 12, 386, 387].

Соглашаясь с этими утверждениями выдающихся деятелей российской культуры и продолжая мысль академика Е. В. Тарле, можно с уверенностью сказать о том, что не только появление декабристов (военные интеллигенты, побывавшие в Европе и восставшие против царизма в 1825 г.), но и бытие последующих поколений революционеров в России было во многом предопределено войнами и революциями. Особенно характерно это для российской интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. Заметим, что она во многом обязана своим названием (соответствующим термином) русскому писателю-интеллигенту, почетному академику Петербургской академии наук П. Д. Боборикину, один из многочисленных романов которого, кстати, назывался «Василий Тёркин». (А наибольшую известность получил его роман «Дельцы», в котором была изображена жизнь различных слоев русского общества второй половины XIX в., в том числе и интеллигенции). И если великие русские писатели Фёдор Достоевский и Лев Толстой обратили на Россию «изумленное внимание всей Европы» и «потрясли весь мир» (Горький), то их современнику Петру Боборикину было суждено утвердить понятие «интеллигенция» не только в русском, но и во многих других языках. Вскоре интеллигенцией стали называть (с 1860-1870 гг.) общественный слой людей, профессионально занимавшихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом. Наряду с усилением роли тех, кто посвятил себя распространению и развитию культуры и искусств, постепенно формировались новые слои (по П. А. Сорокину — страты) интеллигенции и соответствующие им понятия. (Например, «техническая интеллигенция», «революционная интеллигенция», «демократическая интеллигенция», «либеральная интеллигенция» и др.).

Оракулы и пророки. Можно согласиться с мнением современно-го российского исследователя А. С. Панарина, который полагает, что если в благополучно-застойные эпохи интеллигенты и их труд часто незаметны, они работают экспертами и советчиками (или же «дельцами» по Боборикину), то в «грозные, эсхатологические времена статус носителей идей круто меняется: они становятся оракулами, пророками, народными трибунами и вождями» [3, с. 23]. Соответственно и объектами интереса интеллигенции становят-

ся не только и не столько «молох» капитала (например, в изображении А. И. Куприна), а Молох почти в буквальном и изначальном его смысле (как в религии финикийцев) — бог войны и, дополним это понятие современным атрибутом, революции. В то же время «интеллигенты-начинатели» (Г. В. Плеханов) становятся вождями и трибунами последних.

По утверждению известного российского историка К. А. Залесского и ряда его коллег, до начала XXI в. лучшим биографическим источником (известным как в России, так и на Западе) тех лиц, кто верой и правдой служил молоху войны и революции, был энциклопедический словарь Гранат, наглядно свидетельствующий о «русской революционной традиции, берущей свое начало от А. Н. Радищева, П. И. Пестеля, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и их последователей...». Но даже такое фундаментальное издание далеко не полно. В нем, например, отсутствуют статьи о Г. В. Плеханове, С. Л. Перовской, А. И. Ульянове и других известных революционеров [4, с. 11; 5, с. 6].

Однако среди русских интеллигентов была и другая традиция, во многом противоположная первой. На наш взгляд, наиболее ярким её воплощением была династия российских учёных и педагогов Лосских и творчество её наиболее выдающихся представителей, о чем будет сказано ниже.

Как известно, у современных учёных Беларуси и России, в т. ч. философов, политологов, культурологов и историков, существуют разные точки зрения, нередко значительно отличающиеся друг от друга по вопросам оценки роли тех или иных исторических личностей, влияния на них войн и революций XX в. Различаются мнения и по проблеме роли интеллигенции в целом (отдельных её слоев, групп) в эпохальных событиях прошлого столетия [3; 4; 5; 6]. При этом высказываются и крайние суждения. В одном из них даже констатируется, что «ни мировая война, ни русская революция не окончены», и потому интеллигентам в будущем предстоят новые испытания. И более того: «Всем пора понять, Россию предстоит заново собирать, вооружившись новой миротворческой идеей», — утверждает известный политолог и культуролог [3, с. 123]. Заметим, что подобные высказывания ряда «модных» в России учёных, несмотря на уверения официальных представителей государства в обратном («лимит революций исчерпан», «Россия не собирается нападать на НАТО» и т. п.), повто-

ряют многие воззрения учёных и политических деятелей рубежа XIX-XX вв. (например — А. И. Ильина и ряда евразийцев).

Следует ли из этого, что история повторяется и из неё не делаются выводы? Вспомним наполеоновские планы императора Николая II в начале войны. Об обстановке тех дней убедительно свидетельствуют как документы дипломатов и резолюции на них, сделанные рукой монархов, министров, так и мемуары их высокопоставленных современников. Вот одно из них: «В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились все романтические утопии славянофильства. Как во времена Аксаковых, Кириевского, Каткова, идея providенциальной мировой миссии России возбуждает в эти дни (октябрь 1914 г. — *Авт.*) умы москвичей» (М. Палеолог, посол Франции в России). Почти такой же была обстановка в Петрограде и Могилёве, где в Ставке 22 мая 1916 г. (всего за десять месяцев до отречения от власти императора и крушения империи!) Николай II еще предавался мечтам о границах России по южному берегу Чёрного моря (Эрзурум и Синоп) и даже части Средиземного моря, включая соответствующие проливы (Николай II: «Куда армии удастся дойти..., то там и будет наша граница») [7, с. 274, 281]. (Вспомним о концентрации значительной части ВМФ России в Средиземном море в начале XXI в., официально выполняющих роль прикрытия группировки войск, уничтожающих террористические организации в Сирии. Не напоминает ли это о чем-то нашему современнику?).

Для того, чтобы провести и некоторые другие параллели с современностью, сравним суждения двух известных российских авторов, разделенных временным интервалом в столетие. По утверждению А. С. Панарина, «современники Первой мировой войны знали, что она показатель упадка Запада, «заката Европы» [3, с. 124]. (Правда, в этом случае возникает вопрос: почему же столь сокрушительное поражение в войне потерпели восточные империи — Российская, Османская и их соседка Австро-Венгрия?). Но допустим, однако, что наш оппонент прав и «современники войны», вроде Освальда Шпенглера, на которого фактически ссылается названный автор, действительно знали о «закате Европы». (Заметим также, что у нас вызывает сомнение корректность подобных научных суждений). Более того, о «закате» последнего эксплуататорского строя на Земле, в том числе в Европе, неоднократно писали К. Маркс и Ф. Энгельс, которые, как известно,

не были современниками названной войны (не дожили до тех событий, которые предсказывали). Многие предвидел и их ученик Г. В. Плеханов, предупреждавший об опасностях не только войны, но и «социалистического заговора», о возможности в будущем «деспотизма коммунистического правительства» и противоречивой роли «социалистической интеллигенции» (как в Европе, так и в России) [8, с. 316, 321].

Но что же из этого следует? Верные ли выводы из этих и других предсказаний делают, например, господин А. С. Панарин и некоторые его единомышленники, в том числе в политическом руководстве союзного нам государства? Для того, чтобы показать некоторые «методологические» проблемы подобных умозаключений, восходящих, как уже отмечалось, к евразийцам и даже славянофилам, «предоставим слово» и другому патриоту России — Николаю Онуфриевичу Лосскому (кстати, его внуки в Европе и США не только сохранили фамилию, но и приумножили идеи философа). Н. О. Лосский, как известно, был не только современником Первой мировой и трех российских революций, но и непосредственным участником многих событий прошедшей эпохи. Сравним теоретические позиции «евразийцев» и их современных последователей с научной концепцией Н. О. Лосского.

Как известно, Иван Александрович Ильин, во многом продолживший дело славянофилов, и более поздние приверженцы его идей справедливо опасались распада империи, «сепаратистского сумасшествия» в постреволюционной России. Этого же, кстати, очень опасался и Николай Онуфриевич Лосский, о чем свидетельствуют многие его статьи и книги. Однако органическое миропонимание последнего позволило философу подняться несколько выше в понимании будущности России и всего мира. Так, в 1915 г. (в начальном периоде войны, когда была написана работа, а чуть позже книга «Мир как органическое целое»), учёный утверждал: «Противоречивы и странны черты мира, в котором мы живем... Но как бы ни были разрознены и враждебны элементы (части) мира в отношении друг к другу, все же все они соучаствуют в одном центре, т. е. хотя отчасти соподчинены единому... Частные системы подчиняются более общим системам и т. д., вплоть до осуществления единой системы мира». (Это особенно ярко стало заметно к 1916-1917 гг., когда Первая мировая война стала планетарным явлением). Более того, ещё в начале войны философ ут-

верждал, что существует не только всеобщность, но и некоторая относительность в существовании и взаимодействии элементов мира. Так, например, по мнению Н. О. Лосского, «католик-баварец есть член Германской империи (ведущей войну), но также и римско-католической церкви», которая эту войну пыталась предотвратить [9, с. 381]. Говоря же о гражданах России, учёный утверждал, что в начале войны они были «способны слиться в одном чувстве, в одном порыве и всячески содействовать друг другу в достижении одной цели» — победы над противником [9, с. 380]. Ситуация существенно изменилась в конце войны: «...отчаяние и измена овладели властью, когда задача (победа в войне. — *Авт.*) была уже выполнена... Держа победу в руках, она (власть) пала на землю заживо», — утверждал известный политический деятель и современник наших героев У Черчилль.

По мнению Н. О. Лосского и его коллеги-однопартийца П. В. Струве, (кстати, автора Манифеста I съезда РСДРП, состоявшегося в Минске в 1898 г.), ситуация «одного порыва» складывалась в России противоречиво и мучительно долго. Однако опыт революции 1905 г. многому научил народ и в первую очередь интеллигенцию. По утверждению Н. О. Лосского, «этот поворот в жизни русской интеллигенции» (понимание ценности национальной идеи и государства, осознание богатства духовной культуры российского общества и т. п.) произошел к началу 1910-х гг., а особенно яркое «философское выражение» получил в сборнике «Вехи» и журнале «Русская мысль», редактором которого был П. В. Струве. К моменту выхода этих изданий не только расширился интерес интеллигенции ко всему богатству духовной культуры, но, что не менее важно, «проблемы эстетики, художественного творчества, истории искусства стали увлекать широкие круги общества» [1, с. 120,121].

Именно в это время такие видные представители интеллигенции, как Н. О. Лосский и его единомышленники, пришли к выводу: «культурный человек, дорожащий высшими духовными ценностями, может, пожалуй, быть социалистом (как, например, коллеги философа: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Е. В. Тарле и др. — *Авт.*), но не может быть членом социалистических партий, проникнутых сектантским духом нетерпимости» [1, с. 20]. И в этом фактически совпали или стали близкими воззрения первого социал-демократа России Г. В. Плеханова, обвинявшего больше-

виков в сектантстве, и таких видных деятелей российской интеллигенции, как П. Б. Струве, Н. О. Лосский (учась в Витебской гимназии, будущий философ увлекался идеями социализма, за что был исключён из неё). Они многое сделали не только для подъема уровня образованности и культуры народа, но и для создания партий будущей постмонархической России (сравним: И. А. Ильин до конца жизни считал наиболее адекватной формой правления для российского государства монархию; adeпты этой идеи есть и в современной России). Многие представители российской творческой интеллигенции, к которым, кстати, в конце жизни примкнул Г. В. Плеханов, стремились сохранить единство в «партиях реформы», что, однако, в условиях затянувшейся войны, больших жертв и усталости народа, оказалось невозможно осуществить [1, с. 119,120; 10, с. 114].

Как отмечают современные российские исследователи, «на переломе веков» численность интеллигенции (лиц, занимавшихся умственным трудом) составляла 726 тыс. человек, но уже к началу Первой мировой войны ее численность удвоилась и достигла 1,5 миллиона человек, что создавало хорошую базу для развития передовых отраслей экономики и для возможной ротации командного состава в случае ведения продолжительных военных действий [6, с. 18-29].

При этом руководству России, вероятно, следовало в большей степени учитывать (это не всегда имело место в действиях правительства), что интеллигенция оставалась неоднородной по своему социально-политическому, религиозному и национальному составу и происхождению. (Например, семья чиновника Витебской губернии О. И. Лосского, отца знаменитого философа, принадлежала к бывшей шляхте униатско-православной религиозной традиции). Большие отличия сохранялись и в материальном положении, культурном развитии и особенно в политических воззрениях, которые стремительно изменялись с каждой новой эпохой, царствующим монархом и т. д. Иллюстрацией этого могут служить также семьи Г. В. Плеханова и В. И. Ульянова (Ленина), имевшие схожее социальное происхождение, материальное положение, уровень образования, но очень часто радикально отличающиеся взгляды по отношению к руководству страны и особенно к войне, которую пыталась продолжать Россия [10, с. 114].

К тому же, материальное положение, религиозное и особенно политическое сознание, а также другие характеристики членов семей российских интеллигентов, включая их национальное самосознание, постоянно изменялись с заключением новых браков. (После женитьбы Н. О. Лосского его семья, постоянно проживавшая в Петербурге, несмотря на белорусско-польское происхождение главы семейного сообщества, отличалась русским национальным сознанием и достаточно устойчивым православным мироощущением и верой) [11, с. 8-14].

Патриотизм философов Лосских. Попробуем более детально проследить историю формирования этой знаменитой семьи, в общем-то, достаточно типичной для Российской империи, через призму интересующего нас вопроса. Семейные традиции Лосских и творчество самого знаменитого философа из этой династии свидетельствуют о том, что не только природа, но и политические, этнические, идеологические проблемы российской истории (славянофильство, западнорусизм и др.) имели важное значение в формировании мировоззрения членов семьи Лосских.

Об этом же свидетельствует и более позднее суждение Николая Онуфриевича Лосского: «мой отец и все мы сознавали себя русскими и были глубоко проникнуты русским национальным сознанием» [1, с. 15, 18]. Естественно, что первым хранителем идеологических ценностей семьи Лосских был ее глава Онуфрий Иванович. Занимая позже должность пристава в Витебской губернии, ключевую в органах местного управления Российской империи, Лосский-старший не только «сознавал себя русским», но и следил за тем, чтобы в этом направлении воспитывались дети. Поэтому уже в детском возрасте у будущего ученого возникли чувства «любви к России, гордость ею, вера в ее великие достоинства» [1, с. 15, 18]. Позже эти чувства все более укреплялись и передавались детям философа. Наряду с семейным воспитанием это поспособствовало формированию у Николая Лосского и членов его семьи славянофильского мировоззрения. Причем эти воззрения укрепились настолько прочно, что, несмотря на продолжительный атеистический период, сохранились до последних дней жизни Н. О. Лосского.

Ярким примером патриотизма ученого может быть не только содержание ряда глав его «Воспоминаний», но и работы «Харак-

тер русского народа», «История русской философии», а также книга «Условия абсолютного добра. Основы этики».

Политические воззрения Н. О. Лосского в полной мере разделяли его жена, а также дети, о чем мы можем судить и по мемуарам Бориса Николаевича Лосского (сына философа). Историограф трех поколений Лосских-Стоюниных в книге своих воспоминаний [12] много внимания уделяет военно-политическим событиям и тому, как они отразились на судьбах русских интеллигентов.

«С осени (1915 г.) военное положение все больше и больше сказывалось на жизни Петербурга и нашего дома. После нового продвижения немцев на Западном фронте число беженцев едва ли не удвоилось, и на улицах появились пролетки варшавских извозчиков с обитыми кожей (а не синим сукном, как у наших) сидениями. В том же порядке вещей классы Либавской женской гимназии, эмигрировавшей за своей начальницей Любимовой, водворились на три учебных года в предоставленных им бабушкой (М. Н. Стоюниной, руководителем женской столичной гимназии. — *Авт.*) школьных помещениях», — вспоминал Б. Н. Лосский. Далее, вспоминая «пору лихолетья», он подчеркивал, что были в связи с войной и дела, относящиеся прямо к семье Лосских: «Как-то утренняя почта принесла отцу (Н. О. Лосскому) известие, наверное, из Главного штаба, о ранении его брата, дяди Володи. Это было так: на австрийском фронте при наступлении его части он вскочил с командой "Ребята, за мной, пришла наша очередь" на внешний край траншеи, был сразу ранен пулей в ногу и не без труда перенесен санитарями в полевой госпиталь...» [12, с. 152].

В детской памяти Б. Н. Лосского отразились и многие другие события предреволюционного 1916 г., когда десятилетний мальчик, его старший брат и младшая сестра «впервые почувствовали себя настоящими русскими патриотами». В обязанности детей входили уход и помощь выздоравливающим воинам, чтение им книг, отправка писем на фронт и родственникам солдат из семейного лазарета Лосских, участие в концертах, средства от которых шли в фонд обороны страны и др.

«Встреча Нового (1916) года впервые прошла с детским участием, — вспоминал далее Борис Лосский. — Дело было в том, что родителям как членам делегации от общества петербургских преподавателей средних школ, организовавшего сбор и отpravку на фронт для раздачи подарков (белья, курительных принадлежностей и сластей),

предстояло сесть в ночной поезд, идущий в Двинск (родина Н.О. Лосского. — *Авт.*), где они провели первые дни января. Оттуда члены группы (их было человек десять) разъехались попарно в нескольких санях для посещения указанных им участков фронта. Отец и мать побывали даже, по собственному их желанию, в передовом окопе в виду неприятельских траншей. Хотя военные действия в зимние дни и притихли (шла подготовка к Нарочской операции, в которой Двинску отводилась важнейшая роль. — *Авт.*), над ними раза два прожужжал снаряд, а на обратном пути был и ружейный выстрел в их направлении. Также в одну из проведенных в Двинске ночей на город упало несколько сброшенных вражескими самолетами бомб (немецкие авианалеты вызвали большие разрушения в городе, а также пожары. — *Авт.*). Домой, к нашему удовольствию, привезли небольшой набор сувениров-"трофеев" главным образом — миновавших цель немецких пуль...» [12, с. 153,158]. Все эти события, так поразившие ребенка, оставались в сознании мемуариста и через многие десятилетия, когда он писал о своей семье и всей «петербургской» интеллигенции, уже пережившей блокаду Ленинграда и сражения Второй мировой войны. (Борис и Андрей, младшие сыновья Н. О. Лосского, были офицерами армий Франции и США соответственно, а старший Владимир — участником французского сопротивления).

Дополним эти воспоминания следующим суждением. Немецкие пули, которые настигали свои цели и наносили ранения воинам, извлекались врачами в многочисленных лазаретах в Петрограде, в том числе в одном из тех, что организовала семья Лосских-Стоюниных. Таких семей среди интеллигенции столицы было много. Однако, как вспоминал философ Н. О. Лосский, в 1916 году «революционное брожение день ото дня увеличивалось» [1, с. 155], и число таких семей постепенно уменьшалось.

Сказанное следует дополнить, на наш взгляд, еще одним очень существенным суждением Н. О. Лосского, относящимся ко времени подготовки Нарочской наступательной операции (1916 г.). «Офицеры, с которыми нам случалось беседовать (на фронте в районе Двинска — Краславы, где, как уже отмечалось, родился Н. О. Лосский. — *Авт.*), были люди культурные, образованные. Их спокойствие и твердость духа производили сильное впечатление». Эта сила духа русских офицеров, так впечатлившая столичных интеллигентов, через два-три месяца еще более поразила немецких военачальников и их подчиненных во время проведения операции

русских войск, начавшейся в крайне неблагоприятных условиях ранней весенней распутицы (как известно, операция проводилась главным образом для спасения Парижа).

А вот мнение философа и педагога Н. О. Лосского о русском солдате: «Я приходил иногда (в лазарет) беседовать с солдатами или читать им (книги, письма с фронта и от родных. — *Авт.*). Тяжело было видеть сибирских стрелков, храбрых людей богатырского сложения, которые были ранены под Варшавой..., защищая Россию буквально своей грудью... Они хотели скорее вылечиться, чтобы вернуться на фронт и продолжать воевать», — подчеркивает Н. О. Лосский [1, с. 154, 155]. Кстати, верный научным традициям столичного университета, философ отмечает, что в 1915-1916 гг. продолжения войны хотели уже не все солдаты. К тому же, в отличие от своего сына Бориса Николаевича, молодого мемуариста, уже известный всему миру ученый Н. О. Лосский, вспоминая о патриотических акциях столичных педагогов и ученых, называет их не «петербургской интеллигенцией», а «петроградскими учителями» [1, с. 154]. Стремясь быть предельно точным по отношению к фактам, он в то же время стремился максимально корректно относиться к содержанию научных дефиниций и соответствующих понятий, что, кстати, значительно облегчает работу современных исследователей.

Трагическая развязка национальной катастрофы. «В пору лихолетья» семья Лосских-Стоюниных была достаточно монолитной, несмотря на различие некоторых анкетных данных ее членов. (Вдова известного педагога В. Я. Стоюнина, Мария Николаевна, их дочь Людмила Владимировна, ставшая женой Н. О. Лосского, происходили из семьи потомственных и коренных русских интеллигентов, в отличие от матери главы семейства, не избавившейся до конца жизни от многих обычаев белорусской шляхты). Всех членов этого большого семейства можно отнести к социальному слою интеллигенции, идейно боровшейся с врагом и противостоявшей германскому милитаризму с оружием в руках (братья Н. О. Лосского и другие родственники семьи).

Как уже отмечалось, таких семей и таких людей в начале войны в столице России было значительное большинство, но затем их количество постепенно сокращалось по мере возрастания острых социально-экономических проблем, вызванных войной. В семье же Лосских-Стоюниных морально-психологическая устойчивость и корректность по отношению к правительству сохранялась и после

того, как с фронта возвратились тяжело раненый брат главы семьи, капитан Владимир Онуфриевич Лосский, и другие близкие родственники и друзья. (Кстати, В. О. Лосский был произведен в офицеры после окончания Виленской юнкерской школы и до начала войны служил в Маньчжурии в корпусе пограничной стражи) [1, с. 86].

Об этом же писал в свое время и начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Уже в 1915-1916 гг. людей, идейно борющихся с врагом, насчитывалось в России не более одного процента» [13, с. 286]. Эта «идейная», но тонкая прослойка, по мнению военачальника, в результате больших потерь на фронте стала размываться. Многие современники и последующие исследователи справедливо отмечали «отсутствие патриотизма у большинства призванных нижних чинов», а также «все более "несознательное отношение крестьянства (основная часть армии) к вопросу об общей опасности государства"» [13, с. 286]. Это было документально подтверждено и военной цензурой Западного фронта, проанализировавшей сотни тысяч писем нижних чинов. Подобная, а может быть, и худшая, ситуация была и на Северном фронте, особенно в его тылу, ближней базой которого являлись города Рига, Двинск и Псков. Два первых города, по словам генерала Н. Н. Рузского, ставшие уже в 1915 году прифронтовыми, постепенно превратились в «распропагандированные гнезда» и даже в «несчастье Северного фронта». Изменить эту ситуацию, в частности, пытались и столичные «десанты», в один из которых входили представители интеллигенции супруги Лосские, для которых Двинск был, можно сказать, второй родиной.

В такой обстановке, когда на территории Беларуси (западных губерний России) ускоренными темпами под давлением союзников готовилась Нарочская, а затем и Барановичская операция, очень важно было укрепить моральный дух армии. И такую роль во многом выполняла интеллигенция двух российских столиц. И если для Западного фронта моральной опорой могла служить и служила Ставка Верховного Главнокомандующего, располагавшаяся в Могилеве, а за ней и первопрестольная Москва, то для Северного фронта такой прочной моральной базой мог служить только Петроград. До начала 1916 года он таковым во многом и являлся, что обеспечивалось не столько правительством, сколько высоким патриотизмом многих русских интеллигентов, включая многочисленную семью Лосских-Стоюниных [1, с. 15,18; 12, с. 158].

С 1916 года, по словам Н. О. Лосского, «разлад в правительстве и его бестолковость все возрастала» [1, с. 155]. И причиной этого во многом был двор и сами члены царской семьи. Достаточно сказать, что германофильские настроения императорского двора предопределялись родственными связями с императорским двором Германии. Поэтому не случайно на Северном фронте и Балтийском флоте так сильны были у военачальников (эти чувства быстро передавались интеллигенции) фобии, связанные с возможной десантной операцией противника. Ведь командующим германского флота был брат Вильгельма II Генрих. Среди высшего командования Русской армии и Флота было хорошо известно, что жена Генриха и русская императрица Александра Федоровна являются родными сестрами [5, с. 358]. Хорошо это было известно и во многих слоях интеллигенции, к которым относились и члены многочисленной семьи Лосских-Стоюниных, подверженные тем же фобиям по поводу десантных операций германского флота [1, с. 145].

Естественно, что подобные сведения в первую очередь распространялись в среде интеллигенции, особенно в ее высшем эшелоне, среди которого были люди, мечтавшие захватить власть в стране. Следует признать, что наряду с возраставшими объективными трудностями власть давала немало и других поводов для недовольства интеллигенции. Однако, захватив власть в стране, ее наиболее оголтелые представители Керенские, Милюковы и Гучковы не смогли ее удержать, что в конечном итоге привело к окончательному развалу страны и когда-то могущественной Российской империи.

К новым жестоким социальным потрясениям привели Октябрьская революция, а затем и Гражданская война, в которую активно вмешались иностранные интервенты. Интеллигенция оказалась по обе стороны баррикад. Как вспоминала известная российская писательница А. В. Тыркова, оказавшаяся в эпицентре вооруженного противостояния большевиков и кадетов, к весне 1920 г. развязка в кровавой драме русского народа стала очевидной. «Полтора месяца бродили верхи русской интеллигенции по грязным, холодным, бессмысленным улицам Новороссийска» и других городов юга России. И далее: «про себя переживая катастрофу,... ошеломленные, многие напуганные и все охваченные огнем тоски...». Те из интеллигентов, которым нашлось место на иностранных кораблях, в конце концов, оказались за рубежом. За ними вскоре последовали и пассажиры т. н. «философских» пароходов, в числе которых оказа-

лись Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и многие другие российские интеллигенты. За три года Гражданской войны «сложили голову миллионы русских людей». При этом англичане — активные участники интервенции и подстрекатели гражданского кровопролития в России — потеряли «на всех театрах Гражданской войны в 1918-1920 гг. 329 человек». Англичане, американцы и другие интервенты действовали в России теми же, не раз проверенными методами, добиваясь своего «чужими руками, таскавшими для них "каштанов из огня"» [1, с. 178,179; 14, с. 176,179].

Все это предопределило многие проблемы будущей Европы и всего мира, попавшего в сеть глобализации [15]. Очень важно из всех катастроф, произошедших с народом, в том числе интеллигенцией нашего союзного Отечества, сделать выводы и нашим современникам.

Литература

1. Лосский, Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь... / Н. О. Лосский. - Минск, 2012. - 278 с.
2. Тарле, Е. В. Избранные сочинения: в IV тт. / Е. В. Тарле. - Ростов-н/Д, 1994. - Т.1. - 576 с.
3. Панарин, А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века / А. С. Панарин. - М., 1998. - 348 с.
4. Деятели СССР и революционного движения России: Энцикл. словарь Гранат. - Репринтное изд. - М., 1989. - 839 с.
5. Залесский, К. А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь / К. А. Залесский. - М.: Вече, 2000. - 576 с.
6. Сергейчик, С. И. Российская интеллигенция: история и судьбы / С. И. Сергейчик. - М., 2006. - 109 с.
7. Шатилло, В. К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы / В. К. Шатилло. - М., 2003. - 480 с.
8. Плеханов, Г. В. Наши разногласия / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. - М., 1956. - Т. 1. - С. 115-371.
9. Лосский, Н. О. Мир как органическое целое / Н. О. Лосский // Избранное.-М., 1991.-482 с.
10. Лянькевич, Г. Ч. «Фейерверк учености» Плеханова / Г. Ч. Лянькевич // Белая вежа. - 2017. - № 1,- С. 106-117.
11. Философы Лосские: этапы большого пути. Избранное; сост. Г. Ч. Лянькевич. - Минск, 2015. - 171 с.
12. Лосский, Б. Н. Наша семья в пору лихолетья 1914-1922 годов / Б. Н. Лосский // Минувшее: Исторический альманах. - Т. 11. - М; СПб.: Atheneum-Феникс, 1992. - 608 с.

13. Суряев, В. Н. Русская Императорская Армия накануне и в годы Великой войны / В. Н. Суряев. - М.: Русская панорама, 2015. - 272 с.
14. Думова, Н. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России / Н. Г. Думова, В. Г. Трухановский. - М.: Наука, 1989. - 206 с.
15. Дробан, А. Т. Мировая война. 1914-1918: премьера глобализации: Россия в сети империалистических противоречий / А. Т. Дробан. - М.: Лександ, 2016. - 208 с.

ЗДОРОВЬЕ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

И. С. Полоник, Н. И. Шандора

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: polonik-irina@hotmail.com

В статье затрагиваются вопросы взаимосвязи культуры с проблемами сохранения здоровья. Автор акцентирует внимание на том, что культура влияет на представления о причинах здоровья и болезни, играет важную роль в их восприятии, определяет типы систем здравоохранения в различных странах.

Ключевые слова: здоровье, ценности, ценностная модель, здравоохранение, болезнь, интегральная модель здоровья.

HEALTH AND ITS CULTURAL CONTEXTS

I. S. Polonik, N. I. Shandora

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,
Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: polonik-irina@hotmail.com

The article touches the issues of relationship of culture and health preservation problems. The author emphasizes the fact that culture influences notions about health and illness causes, plays an important role in their perception, identifies the types of health systems in different countries.

Key words: health, values, value model, health care, disease, integral health model.

Здоровье человека представляет собой наивысшую социально-экономическую ценность общества и один из приоритетов госу-